

Новые похождения Паганеля

Мария Багина, фото Ильи Шниза

Программе «Путешествия натуралиста» исполнило три года. По случаю юбилея мы встретились с самым обаятельным, любознательным и веселым натуралистом страны Павлом Любимцевым.

РОССИЯ - 2002
3 окт. - с. 24-25.

— Павел Евгеньевич, чья была идея создать такой смешной образ на экране? Это был особый замысел или «получилось нечаянно»?

— И то и другое отчасти. Дело в том, что до передачи «Путешествия натуралиста» была передача «Живые новости». В ней я писал закадровый текст, а потом в кадре рассказывал коротенькие истории, которые подкреплялись видеорядом, снятым в Московском зоопарке. Эти коротенькие истории назывались «А вы знаете, что...». Была такая рубрика. И за минуту я должен был рассказать что-нибудь интересное о каком-либо животном. Собственно, из этих минуток и возникла передача «Путешествия натуралиста», потому что продюсеры мои, Александр Коняшов и Михаил Ширвиндт, решили, что можно такого человека выпустить на экран не на минутку, а на 25 минут. И тогда уже было ясно, что я есть я. И было понятно, что идти следует от моей индивидуальности.

Это образ вроде Паганеля (хотя совсем это на Паганеля не похоже. У Жюль Верна есть много таких персонажей, скажем, кузен Бенедикт в романе «Пятнадцатилетний капитан», вот этот, пожалуй, на меня больше похож, чем Паганель). Так вот, этот образ специально никто не составлял. Очки круглые — мои (правда, я их давно не ношу, они старые. Сейчас я заказал себе новые, такие же). Блуза — потому что толстый. Шляпа — потому что польсел. Так что это все достаточно просто сочинилось. Но здесь мне очень помогала Татьяна Морозова, наш стилист, она выбирала вещи, отбирала детали, которыегодились потом в

передаче. Этот образ — я, но только это не весь я, это часть меня. Как говорит один мой умный знакомый, это та часть меня, которая весьма импонирует мне и телевизионным зрителям.

— Эта роль вам в жизни свойственна, то есть вы любознательны, добродушны, непосредственны, или в жизни вы — серьезный человек, доцент, преподаватель и т.д., а на экране — просто хороший актер?

— Я не рискну сказать про себя, что я хороший актер. В частности, дело все еще и в том, что я не умею меняться до неузнаваемости. Бывают такие характерные актеры, которые меняются так, что его потом родная мама не узнает. Я к таким актерам не отношусь, во мне нет многоликого лицедейства. Я иду от себя. И конечно, бываю разным в разных жизненных ситуациях. Вот в телевизионном варианте — такой.

— За 3 года что-то особо запомнилось или все страны хороши по-своему, как и животные?

— Да, пожалуй, все страны хороши по-своему. Но хорошо я себя чувствую там, где не жарко. В связи с этим мне больше всего нравятся северные страны, например, мне очень нравится Норвегия, страна спокойная, достаточно провинциальная и какая-то удивительно приятная. Я туда дважды ездил. Что же касается воспоминаний, то из-за большого количества поездок память что-то вычеркивает, какие-то подробности уходят совсем.

А еще есть такой любопытный эффект мгновенного старения воспоминаний. Вот я приехал из какой-нибудь поездки, а через неделю мне кажется, что она была два года назад.

Все происходит очень стремительно, а главное, человеческая природа должна сопротивляться такому избытку впечатлений. Как говорил в свое время устами Шерлока Холмса Артур Конан Дойл, человеческий мозг похож на маленький пустой чердак и стенки у него далеко не резиновые. Дурак натащит в него всякой рухляди, а полезные и нужные вещи некуда будет впихнуть, а если они даже и впихнутся, то найти их в хаосе будет невозможно. А умный хозяин держит чердак в порядке, у него все под рукой. А то, что не нужно, должно из чердака уходить.

— Как вы вытаскиваете из своего «чердака» информацию? Например, вы подходите к вольтере со слонем. Вы уже понимаете, о чем будете говорить?

— Я, в общем, люблю систематизировать и раскладывать по полочкам. Сейчас, когда передача уже три года идет, я, конечно, меньше импровизирую, надо готовиться, посмотреть материалы, предварительно набрасывать план рассказов. Раньше я чувствовал себя много свободнее, сейчас, когда многие истории уже рассказаны, мне надо

рассчитывать и подходить к материалу очень рачительно, бережно, а иначе меня ненадолго хватит.

— Вас как-то отмечали животные — плевались, кусали, царапали? Расскажите о ваших боевых ранах.

— Нет, меня животные любят. Вот в продюсера моего, Михаила Ширвиндта, плюнула гуанако (или плюнул гуанако — я не знаю, какого он был пола), безгорбый южноамериканский верблюд. А в меня она не плюнула, а отнеслась ко мне с симпатией. Сильно меня не кусали. Попугай меня как-то укусил, но не до крови, это было на острове Бали. Этот попугай еще откусил пуговицу на моей блузе, срезал ее как ножницами! Его клюв — чудесный прибор, щипчики, ножницы, кусачки, называйте как хотите. Это был южноамериканский ара.

Вообще звери гораздо менее агрессивны, чем это принято считать. В особенности врут приключенческие романы. Звери не свирепы, звери совсем не кровожадны.

— То есть вы с доверием относитесь к зверям?

— Безусловно, к тому же я с доверием отношусь к работникам зоопарка, и если

мне разрешают подойти к животному, значит, оно не опасно, и я это хорошо понимаю.

— А по-настоящему вам было когда-нибудь страшно?

— Нет, не было. Но, когда мы общались с носорогами, мы очень близко к ним подходили. Опять-таки я знаю, что носороги — не свирепые животные. Носороги просто очень близоруки, поэтому они могут не понять, кто я, и атаковать. Это все-таки носороги, и нельзя забывать об этом и провоцировать их.

— Расскажите о самом экзотическом животном, которое попало к вам на глаза...

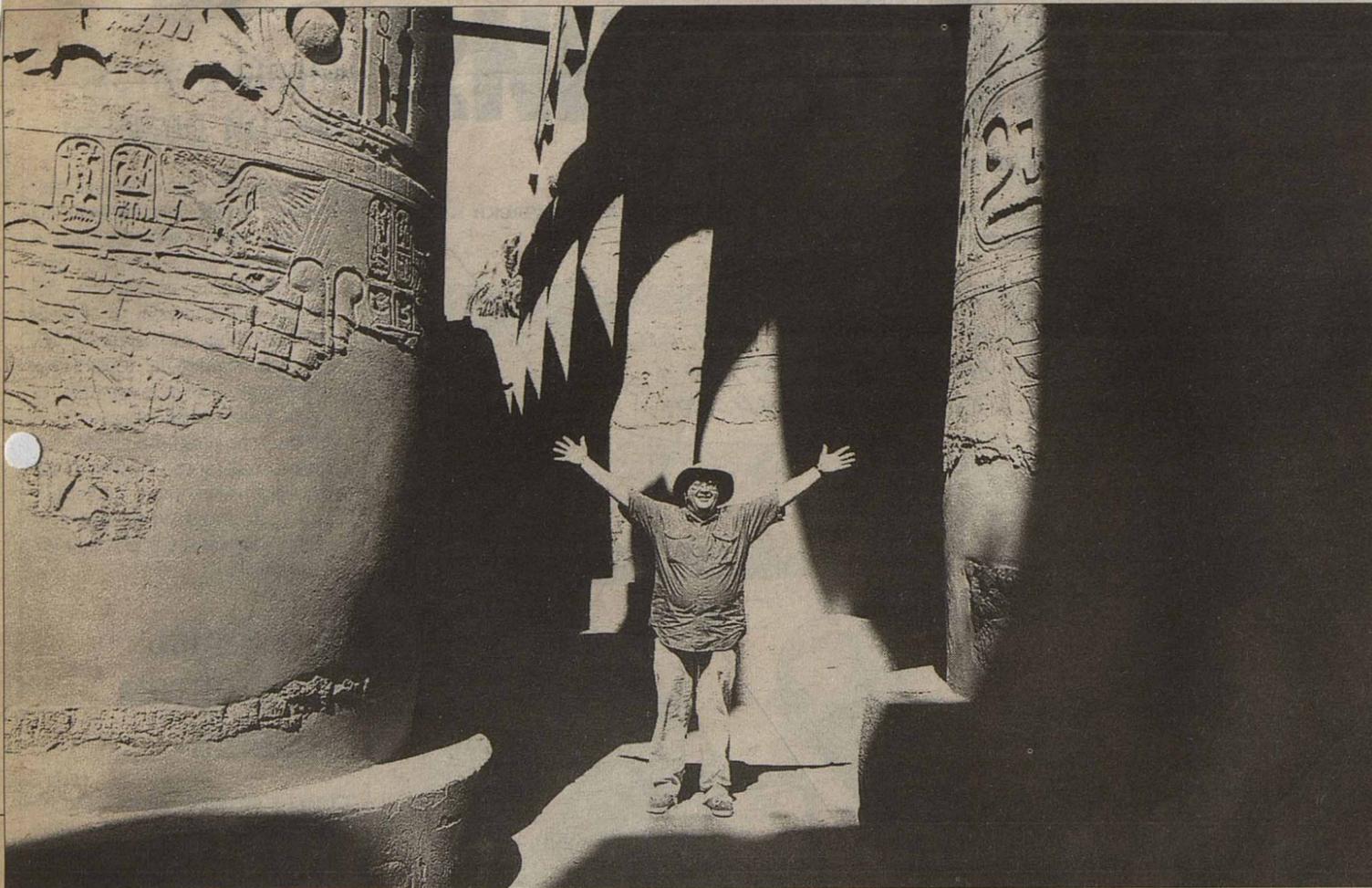
— У нас 3 года существует программа, и некоторых животных мы снимали всего один раз. Это, конечно, и есть самые экзотические животные, самые редкие. Например, мы всего один раз снимали райских птиц в парке на острове Бали, и нигде больше мы их не снимали. Один раз снимали карликовых шимпанзе, это было в Берлинском зоопарке.

Конечно, изумительные животные — окапи. Лесные короткошеие жирафы — поразительные животные.

— Чем же они вас так поразили?

И вот так три года подряд меня возят по зоопаркам

Мой размерчик

РОССИЯ, - 2002 - ЗОКТ. - С. 24-25.

— Как вам сказать? Смотрю на животное... и понимаю, что это не антилопа, и не корова, а вот именно жираф, и лицо у него своеобразное, хотя и на жирафа охотки тоже не похож.

Еще я любил морских коров, ламантинов. Это большая редкость! Невероятное животное бабируссы, свиньи, у самцов клыки протыкают верхнюю губу и сквозь нее растут и потом упираются чуть ли не в лоб. «Бабирусса» переводится как «свинья с рогами».

Конечно, поразительное впечатление производят дикие животные: серые дельфины — грампусы, которых мы снимали на Канарских островах в море, или касатки, которых мы сняли в Норвегии во время лова сельди.

— Кстати, о диких животных. Хочется ли вам иногда забрести в дебри, в джунгли, или это не предусматривается программой?

— Вы понимаете, на это у нас, как правило, нет времени, потому что в джунглях нужно провести много месяцев, чтобы снять совсем не много полезных метров видеопленки. У нас другие условия, поэтому мы в основном снимаем зоопарки. Но иногда нам очень везет. Например, белоголовых силов мы снимали в Хорватии. Казалось, что они по заказу прилетели, и двенадцать птиц кружили над моей головой довольно долго. Или белухи, которых мы снимали на Соловках. Накануне ушло корейское судно, которое ожидало этих белух. А мы приехали на три часа, тут они и приплыли, и мы их сняли. А потом, как нам рассказывали, на следующий день белухи ушли и не показывались до конца лета. Так что нам очень

везет, будем надеяться, что и дальше будет так же.

— Вы много раз говорили, что увлечение животными у вас с детства. А когда это стало профессией, не надо ли вам братья наши меньшие?

— Это не стало моей профессией. Это всегда было и будет хобби, я по-прежнему натуралист-любитель. И мне до сих пор все очень интересно, но это интерес именно дилетантский, более того, вся основа этого интереса оттуда, из детства.

— Не хочется ли вам завести какое-нибудь экзотическое животное — таракана или удава, обезьянку, накопец?

— Никогда не хотелось, потому что это очень ответственное дело. Я против содержания дома экзотических животных. Хотя бы потому, что им дома плохо! Они должны жить в специальных условиях. Лучше эти условия создаст зоопарк. А уж содержать дома крокодила или льва — это просто чудовищное уродство, я этого не принимаю!

— «Путешествия натуралиста» — авторская программа. Что вы как автор делаете?

— Я отчасти пишу, отчасти импровизирую текст. Естественно, пишу закадровый текст, но это уже потом, когда составляю программу. Еще я составляю план съемок. Иногда удается что-то предугадать и выполнить задуманное.

— Вам когда-нибудь приходилось спорить с режиссером, с продюсером?

— Нет, мне спорить приходится с нашим замечательным оператором Ильей Шпизом. Потому что он отстаивает картинку, а я отстаиваю содержание. Иногда

это приходит в противоречие.

Например, мне очень интересно было рассказывать в Веронском зоопарке про динозавров, там есть экспозиция и стоят макеты. А ему это неприятно и неинтересно: ну что снимать макет? Если бы он двигался... Так и получается: мне рассказывать интересно, а ему снимать неинтересно. В результате — компромисс: пара сюжетов все же войдет в передачу. Или, скажем, передача из Зоологического музея в Берлине. Там есть интересная экспозиция опять же динозавров, которая меня очень впечатлила. А мои друзья и коллеги решили, что эта передача скучна, но я не согласен с этим! Такие споры бывают, конечно.

— Вы рассказывали, что вам запретили худеть ваши продюсеры.

— Ну, это же шутка! Я никогда специально и не пытался худеть.

— А были ли какие-нибудь требования со стороны про-

дюсеров, для вас неприемлемые или неприятные?

— Нет, нет, у нас все происходит мирно. Я очень прислушиваюсь ко всему, потому что со стороны многое лучше видно. И если во время съемок Миша Ширвиндт говорит: «Все то же самое, только вдвое короче», — я всегда к этому прислушиваюсь, потому что это телевизионный закон: нельзя слишком рассусоливать. Я моим коллегам вполне доверяю.

— Вы на самом деле обладаете необыкновенным обаянием и теперь уже известностью. Вам это в жизни помогало, вы этим когда-нибудь пользовались?

— Я вообще известности стесняюсь. Клянусь, я не кокетничаю. Потому что в известности есть элемент неловкости. Не случайно Пастернак написал: «Быть знаменитым некрасиво». Действительно, некрасиво, не очень удобно, хотя, когда меня узнают на улице, особого дискомфорта я не испытываю.

Иногда бывает, что известность очень помогает. На-

пример, когда я в прошлом году отправлял маму за границу в Италию, довольно поздно пришел подавать документы в посольство. Очень волновался, но тут меня узнала очередь, меня пропустили, хотя я об этом не просил, охранник меня провел под белы ручки к чиновнику, который занимался документами, — он, оказывается, тоже видел передачу. Я его попросил сделать визу не за десять дней, а за семь. Он с радостью согласился. Это был тот случай, когда я был очень смущен и растроган тем, как люди ко мне хорошо отнеслись даже без особых просьб с моей стороны.

Так что, бывает, и помогает, и пользуюсь.

— Вы грозилась написать книгу. Когда читатели ее увидят?

— Грозился, но пока нет свободного времени совсем. Хотя треть книги уже написана. Я не знаю, когда, честное слово.

— Начал выходить журнал «Путешествия натуралиста». Какое отношение вы будете к нему иметь? Это продолжение программы или что-то совсем эксклюзивное и оригинальное?

— Я не могу сказать, что это мой журнал. Это не имеет прямого отношения к программе, хотя для второго номера я написал статью. Может быть, напишу еще что-то. Это журнал для активных людей, которые хотят посмотреть мир, которые хотят познакомиться с интересными местами.

— А что за программа у вас выходит на Радио-7 «На семи холмах»?

— Мои, как я их называю, «олигархи» (продюсеры) считают, что это нужно, а я им подчиняюсь, хотя это не моя инициатива. Это короткие и самые интересные сюжеты из программы, они называются «Странички из «Путешествий натуралиста» и приблизительно соответствуют одному моему синхрону в телевизионной программе, из которых, как из кирпичиков, и строятся 25 минут моего общения со зрителем.

— Спасибо, Павел Евгеньевич, будем ждать ваших программ и вашей книги.

